

**ПО-НАСТОЯЩЕМУ великие люди, которых – без преувеличения – знает весь мир, в отличие от звездук местной пошиба, очень просты и доброжелательны в общении.**

Н е раз убеждались в этом, встречая на своем журналистском пути Вана Клиберна, Галину Вишневскую, Ирину Хакамаду, Никаса Сафронова, Патисию Каас, Ирину Роднину... Еще одним нашим великим стал Андрис Лиепа, посетивший Магнитогорск для председательства в судействе «Жемчужины-2011».

– **Андрис Марисович, вы взялись возродить балеты, поставленные Дягилевым в начале XX века. Но он ездил на гастроли в Европу и Америку, знакомя тамошних жителей с русской культурой. А вы возите свои «Русские сезоны XXI века» по России, чтобы знакомить русских с собственной культурой. Как получилось, что мы потеряли ее?**

– К сожалению, после революции социалистическое искусство исключило то, чем занимался Дягилев: СССР требовал соцреализма, который никогда не приветствовали на Западе. То есть, если мы привозим соцреалистические спектакли за границу, публика их смотрит, но сами они никогда таких спектаклей делать не будут. После революции за границей осталась элита, гордость русской культуры: Рахманинов, Стравинский, Шаляпин, Павлова, Фокин, Нижинский, сам Дягилев, Бакст, Бенуа... Это очень плачевно, хотя... Слава богу, они не сгнили в ГУЛАГе. Многие настойчиво приглашали Дягилева вернуться в советскую Россию, но он не решился.

– **Что – с коварным подтекстом приглашали?**

– Думаю, да, хотя, как говорят, история не терпит сослагательного наклонения. Но многие, поддавшись на уговоры, оказались по возвращении не на сцене, а в местах не столь отдаленных. Дягилевские балеты в полной мере использовали на Западе: когда я работал в Нью-Йорке у Миши Барышникова, я посетил спектакли Роберта Джоффри «Петрушка», «Послеполуденный отдых фавна», «Весна священная»... Я увидел, как скрупулезно восстановлены детали спектаклей. Но мне не хватило русского духа – души русского танцовщика. Так, как танцуют русские, не танцует никто, причем это вопрос не техники, а актерского мастерства. И я начал возвращать в Россию то, что ей по праву принадлежит. Первый мой воссозданный балет «Возвращение Жар-птицы», которая летала по всему миру: спектакль был поставлен в Нью-Йорке, Париже, Италии, Аргентине... Но Фокин мечтал, чтобы «Жар-птица» вернулась на сцену Мариинского театра. И в 93-м году мне это удалось: мы подарили его и «Шехерезаду» Мариинке. В прошлом году исполнилось 100 лет «Шехерезаде» и «Жар-птице». Я не знаю ни одного спектакля в истории искусства, который шел сто лет – с теми же декорациями, костюмами, хореографией и музыкой. На Бродвее мюзикл «Кошки» шел двадцать лет – это рекорд. А эти спектакли живы до сих пор и сегодня смотрятся так же интересно: когда-то это был авангард, а теперь – классика XX века. И я сам начал ставить спектакли, пользуясь тем, чему научился в Соединенных Штатах.

– **Вы говорите, что научились постановке в Америке. Но считается, что тамошний современный балет поставил Барышников...**

– Барышников уникальный исполнитель, в США он работал с фантастическими хореографами. Он ставил спектакли, но как раз классические – не современные. Но в целом вы правы: балет в США создали русские, после революции оставшиеся за границей. Я спрашивал тех, кто с гордостью произносит: «американский балет»: кто создал эту школу? – Баланчин. И я отве-

# Звездной болезни не подвержен

> **Господь даровал Андрису Лиепе способность видеть себя со стороны**



чал: ваше счастье, что он остался в Америке, а то у вас и балета не было бы. Если бы не революция, он так и работал бы в Мариинке. Барышников продолжил то, что делал когда-то Фокин, работавший в Америке. Словом, те русские и создали американский театр, а современные деятели – Барышников, Макарова, Годунов, Нуриев – сделали его таким популярным. Барышников танцевал в Белом доме для Рейгана – впервые в истории!

– **Продолжим о патриотизме: ваш отец умолял вас не бросать Большой театр – о его преданности этому заведению ходят легенды. А вас можно назвать профессиональным космополитом...**

– Эпоха социализма, в которой жил отец, имела извращенное понятие патриотизма. Люди верили в творческий потенциал заведения, в котором работали. По-моему, это ошибка. Отец был настолько талантлив, что мог работать в любой труппе мира – в СССР его взял бы любой театр – Новосибирск, Пермь, Челябинск...

– **Крыжополь, деревня Гадюкино...**

– (Смеется.) Знаете, я сейчас работал с вашими ребятами – и мне это не запахло. Так же я приезжаю в Китай и работаю с китайцами. В советское время поменять место работы считалось предательством, вопреки замечательной поговорке: не место красит человека, а человек – место. Но менталитет советского

человека... Я тоже воспитывался в махровом советском обществе. Но, будучи человеком последующей формации, по-другому к этому относился: театру нужно отдавать все – свое время, физику... Но нельзя отдавать душу. Это не значит, что можно работать без души, но не отдавать себя целиком стенам. А они – мой отец, Высоцкий, Даль, Шукшин – отдавали. И сгорали.

– **О душе я знаю: вы верующий человек...**

– Да, вера очень укрепляет и меня, и всю мою семью. Влияние искусства на душу артиста до конца пока не изучено. Но Шаляпин, когда пел Мефистофеля, на следующий день ходил исповедоваться. Великолепный артист, он настолько вживался в роль, что она становилась частью его души. А кому захочется, чтобы в нем жил Мефистофель? Когда я играл Есенина, я сыграл 40 спектаклей – и в каждом вешался. В Японии была разработана система – в петлю вставляли металлический трос, который меня держит, не давая удушиться. Я спрашиваю: «Крепкий?» – «Да, 250 килограммов выдерживает». На премьере трос лопнул – и все потом восторгалось, как правдоподобно я сыграл сцену. Я, будучи сильным человеком, зажал петлю, и меня успели спустить вниз. На следующий день я пошел в храм. Конечно, можно этого не делать, но я знаю многих известных артистов, которые закончили после таких ролей карьеру и даже жизнь печально. Еще я играл Мак-

бета. Вы знаете, что в Лондоне даже это название не произносят? Плохая примета. Они говорят: «Та пьеса». Я, сыграв в «Макбете», разорвал крестовидную связку, и это положило конец моей карьере танцовщика. Поэтому в 32 года я стал заниматься режиссурой – и это интересует меня ничуть не меньше.

– **Да, я читала, что вам стало тесно в рамках балета... Но чтобы настолько, что вы начали сотрудничество с шоу-бизнесом... Вы делали концерты для Шуфутинского, Жасмин, Аниты Цой, хора Турецкого, Тамары Гвердцители – хотя это больше искусство, нежели шоу-бизнес... И все же это такая разная музыка! Вам важно любить музыку того, для кого вы ставите шоу?**

– Да. Я и раньше влюблялся в музыку, которую исполнял в балете, – а я танцевал не только Чайковского, но и Стравинского, Шостаковича, Тихона Хренникова... Я умею влюбить себя в музыку, с которой работаю. И песни Шуфутинского мне так же близки, как и «Евгений Онегин» или «Сказание о невидимом граде Китеже». Миша Шуфутинский фантастический исполнитель – он живет своими песнями, а не просто поет их. Я сразу сказал ему: «Обычный концерт я делать не буду – это может сделать кто угодно. Я сделаю спектакль». Для него это было нестандартное решение – выходить в пяти ролях...

– **Вам нравится, что деятели искусства постепенно сравниваются с шоу-бизнесом по степени их публичности? Марисом Лиепой интересовались только с профессиональной точки зрения, а Андрис и Илзе Лиепа прячут свои семьи от желтой прессы...**

– (Задумывается.) Желтой прессе нужен повод. Если ты его не даешь, то желтая пресса как-то вянет. Мы ни от кого не прячемся: даем интервью, водим детей в школу по тем же улицам, что и другие... Но мы никого не эпаталируем. Хотя это тоже полезное средство самовыражения, но оно должно использоваться в строго определенных рамках. Барышников всегда был популярен в Америке, и не только как артист балета...

– **Да, он даже снялся в «Сексе в большом городе»...**

– Ну, сняться в сериале – это не в ночном клубе потанцевать. Это серьезная работа, которую он как актер исполнил замечательно. А уж я-то знаю, как Миша работает над каждым моментом, над каждой деталью...

– **Я не о том, попробую объяснить. Есть два суперпрофессионала – пианисты: Евгений Кисин и Денис Мацуев. Вам ближе отшельничество первого или глянцева публичность второго?**

– Денис мне нравится больше.

– **Я заметила, вы всегда переводите разговор с себя – всех похвалили, кроме себя.**

– (Смеется.)

– **Вы сказали о себе: Господь даровал мне способность видеть себя со стороны. Чем она выливалась – самокритикой или похвалой в свой адрес?**

– Это касалось режиссерских моментов. Вот я сегодня увидел у вашей балерины ошибки, которые можно исправить прямо сейчас, – уже завтра она будет исполнять по-другому. И я включился. Педагогика и режиссура – вещи, которым невозможно научить. В больнице 20 врачей, у всех есть диплом, но очередь на операции только у одного – поймите, это дар. Когда Лео Бокерия рассказывает, как он делает свои операции, это можно сравнить с тем, как играл на виолончели Слава Ростропович – эти люди находятся на одной волне. Понимаете, люди средних способностей, как троллейбусы, подключаются к обычным проводам. А гении – мой отец, Ростропович, Даль, Высоцкий – к высоковольтным сетям, где остальные сгорают.

– **Когда-то вы сделали подарок дочке – новодорное шоу смешариков на льду в Гостином дворе в Москве...**

– Нет, еще не на льду. Смешарики круглые: когда падают, не могут подняться и даже укатиться – их приходится увозить, и шоу заканчивается (Смеется.) Смешарики – прекрасный национальный проект для детей. Я действительно делал его для тогда еще маленькой дочки, а теперь она ходит со мной на репетиции.

– **Подарок дочке стал подарком всем детям. Что еще социально значимое вы делаете?**

– Мы помогаем московскому хоспису, с помощью одной металлургической компании даем ежегодный бал для ветеранов Великой Отечественной войны у Поклонной горы в Москве. Словом, мы занимаемся тем, на что должно давать деньги государство. Но – не дает.

– **Кстати, о помощи. Билайн на юбилей выхода на Нью-Йоркскую фондовую биржу устроил концерт звезд: Башмет, Хворостовский, Мацуев, Цискаридзе, вы – у меня волос встал дыбом от списка звезд. Государству не удавалось собрать вас на одной сцене, а Билайн провел этаким корпоратив... Или можно говорить о возрождении меценатства?**

– Нет, это всего лишь точечные удары. Зимин построил оперный театр, чтобы Шаляпин пел «Бориса Годунова». Третьяков собирал современную живопись и тем самым в буквальном смысле спас многих художников – вот это меценаты, перед ними я снимаю шляпу. Наши «Русские сезоны XXI века» скорее дождутся участия западных инвесторов, чем наших представителей большого бизнеса. И это печально.

– **И последнее: вы не пьете кофе, но «обязательно берете чашку капучино в каком-нибудь красивом месте Италии...» Что здесь важнее: сам кофе или красивое место? Кто вы: гурман или эстет?**

– (Смеется.) Первый раз слышу такой вопрос – дайте подумать... Наверное, одно рождает другое. А вот что именно, не могу сказать. Подумаю, когда буду в Италии, и расскажу вам ☺

РИТА ДАВЛЕТШИНА  
ФОТО > ЕВГЕНИЙ РУХМАЛЕВ

> **Влияние искусства на душу артиста до конца пока не изучено**